

На правах рукописи

Костина

Костина Регина Гусейновна

**ЛЮБОВЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОНСТАНТА
БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА**

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

005534370

10 ОКТ 2013

Саранск–2013

Работа выполнена на кафедре философии ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева»

Научный руководитель: доктор философских наук, доцент
Мартынова Елена Анатольевна

Официальные оппоненты: **Грыжанкова Марина Юрьевна**
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии
ФГБОУ ВПО «Мордовский
государственный университет
им. Н. П. Огарева»

Богатырева Татьяна Георгиевна
доктор культурологии, профессор,
профессор кафедры инновационных
технологий в государственной сфере
и бизнесе ФГБОУ ВПО «Российская
академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ»

Ведущая организация **ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»**

Защита состоится «30» сентября 2013 г. в 11.30 часов на заседании диссертационного совета Д 212.117.10 при ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева» по адресу: 430005, г. Саранск, Полежаева, д. 44, корп. 28 в, ауд. 423.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. М. Бахтина ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева».

Автореферат разослан «30» сентября 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

 Кузнецова Ю. В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В начале XXI в. формируется качественно новая система мировоззренческих установок «постсовременной» культуры, связанная с поливариантным восприятием мира. В течение последних десятилетий социокультурная ситуация предъявляет новые требования к пониманию любви как в общественном сознании, так и в теоретических исследованиях. Современная цивилизация привносит новое (но не всегда самое удачное) в межличностные отношения, которые так или иначе связаны с проблемой любви.

Постмодернистская культура, значительно трансформировав социокультурную среду и социокультурные смыслы жизни, отрицает ее интимность, «деконструирует» эстетико-сакральное пространство любви, превращает ее в сферу сугубо материальных удовольствий. В этих условиях возрастает необходимость социокультурного анализа феномена любви в качестве константы культуры.

На фоне девальвации нравов XXI в. истинная любовь в ее классическом понимании, несущая в себе социальную ответственность, способна преобразовать экзистенциальное бытие человека, стать универсальным детерминантом социальных процессов. В этом плане любовь как форма экзистенциального переживания человека, выступая как средство преодоления отчуждения человека от человека, человека от мира, представляет собой гармонический объединяющий принцип.

В рамках современной культуры требуется новое прочтение таких разновидностей любви, как любовь человека к Богу, гражданина к своей Родине, любовь к власти, любовь между мужчиной и женщиной, между братом и сестрой, между родителями и детьми, любовь к себе, к эстетике природы, любовь как милосердие и благотворительность. Как пишет М. М. Бахтин: «Только любовь может увидеть и изобразить внутреннюю свободу предмета... Только для любви раскрывается абсолютная непотребимость предмета, любовь оставляет его целиком вне себя и рядом с собой (или позади). Любовь милует и ласкает границы; границы приобретают новое значение. Любовь не говорит о предмете в его отсутствие, а говорит о нем с ним самим»¹.

Разнообразие и множественность накопленных мировой культурной и философской традициями трактовок, касающихся проблемы человеческой любви, их противоречивость и эклектичность в рамках частнонаучных гуманитарных парадигм, определили особую необходимость в глубоком и всестороннем анализе данного феномена в свете достижений современной философской и культурологической мысли. Многогранность феномена любви как сферы бессознательного и сознательного, спонтанного и упорядоченного, рационального и иррационального актуализирует исследование ее в качестве социокультурной константы экзистенциального бытия современного человека в

¹ Бахтин М. М. Риторика, в меру своей лживости... // Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 235.

контексте современной постмодернистской культуры.

Степень научной разработанности проблемы. Любовь как элемент культуры всегда привлекала внимание ученых, мыслителей в различных областях гуманитарных знаний. Культурфилософские идеи о любви связаны с мировой культурой и находят истоки в следующих образцах зарубежной философской мысли: работах Аристотеля, А. Августина, Дж. Бруно, Ф. Бэкона, М. Вебера, Г. В. Ф. Гегеля, И. В. Гёте, Л. Валла, И. Канта, Конфуция, С. Кьеркегора, Ф. Ларошфуко, А. Макинтайра, Ф. Ницше, Х. Ортеги-и-Гассета, Платона, Плутарха, Ж.-П. Сартра, Софокла, Л. Фейербаха, М. Фичино, В. Франкла, У. Эко и др. Наряду с этим диссертант вводит в научный оборот труд по проблемам любви англоязычного автора Л. Секомб, который на данный момент не имеет публикаций в переводах на русский язык.

Интерпретация любви находит широкое распространение в отечественной социокультурной мысли, где во главу угла ставится жертвенная, бескорыстная любовь. В этом контексте феномен любви рассматривали крупные мыслители и философы: М. М. Бахтин, С. Н. Булгаков, Б. П. Вышеславцев, Ф. М. Достоевский, И. А. Ильин, Д. С. Лихачев, А. Ф. Лосев, В. В. Розанов, В. С. Соловьев, Л. Н. Толстой, С. Н. Трубецкой и др.; современные отечественные философы: Р. Г. Апресян, О. И. Мачульская, В. М. Розин, О. К. Румянцев, Ю. Б. Рюриков, П. А. Сорокин, Е. Н. Шапинская, В. П. Шестаков и др. Эти ученые сформировали философско-антропологический и культурологический дискурсы по проблемам любви. Вопросы духовного бытия человека находят отражение в трудах отечественных ученых: Н. И. Ворониной, А. А. Гусейнова, Е. А. Мартыновой, Е. В. Мочалова, В. С. Степина и др.

Любовь как единый универсальный мировой принцип представлена в трудах отечественных исследователей – Н. А. Бердяева, В. С. Соловьева и зарубежных – Гесиода, Дж. Бруно, М. Фичино, Эмпедокла и др., как духовное основание бытия человека находит отражение в трудах Аврелия Августина, Д. Алигьери, И. Канта, С. Кьеркегора, Ф. Петрарки, Платона, Сократа, М. Фичино, Э. Фромма, М. Фуко и др.

Философско-психологический контекст любви стал предметом исследования в трудах Г. Маркузе, А. Маслоу, З. Фрейда, Э. Фромма, К. Хорни.

Исследованием феномена любви в контексте экзистенциального бытия человека занимались М.-А. Бейль (Стендаль), С. Кьеркегор, Х. Ортега-и-Гассет, Ж.-П. Сартр, В. Франкл и др.

В социально-философском аспекте любовь исследовалась в работах И. Канта, Дж. Локка, Л. Фейербаха и др. Любовь как один из концептов языка и культуры рассматривал Ю. С. Степанов.

Для освещения проблемы полисмыслового понимания любви диссертант анализирует труды многих авторов, в частности, Д. Алигьери, И. Канта, С. Кьеркегора, К. С. Льюиса, Э. Паунда, Ф. Петрарки, Плутарха, Сократа, Софокла, Э. Фромма, М. Фуко, Эмпедокла и др.

Для анализа взглядов философов прошлого на проблему любви автор обращается к работам отечественных ученых – Г. В. Драча, Е. Л. Дубко,

И. А. Ильина, А. Ф. Лосева, В. М. Розина, Ю. Б. Рюрикова, В. С. Соловьева, А. В. Семушкина, Е. Н. Шапинской и др.; зарубежных – А. Боннара, А. Нигрена, Д. Ружмона, Дж. Сантаса и др.

Виды любви исследовались следующими мыслителями: *родительская любовь* – Х. Йонасом, Э. Фроммом, К. Хорни, В. С. Соловьевым и др.; *половая любовь* – М. Фуко, З. Фрейдом, Н. А. Бердяевым, В. В. Розановым и др.; *куртуазная любовь* – К. С. Льюисом, Э. Паундом, М. М. Бахтиным и др.; *любовь к Родине (патриотизм)* – И. Кантом, К. С. Льюисом, Алексием II, Н. М. Карамзиным, В. А. Кольцовой, В. А. Сосниным, Л. Н. Толстым и др.

Этический аспект любви присутствует в Библии, Коране, а также в трудах Аристотеля, Л. Валлы, Г. Гегеля, И. Канта, С. Кьеркегора, А. Ф. Лосева, А. Макинтайра, Ф. Ницше, Плутарха, Ф. Петрарки, Л. Фейербаха, А. Швейцера, Р. Г. Апресяна, Б. П. Вышеславцева, А. А. Гусейнова, Ф. М. Достоевского, В. М. Розина, А. П. Скрипника, Л. Н. Толстого и др.

Концептуальные идеи философии любви проанализированы экзистенциалистами – Х. Ортега-и-Гассетом, Ж.-П. Сартром, М. Хайдеггером – и представителями «диалогической философии» XX века, которая в отечественной науке представлена М. М. Бахтиным, С. Л. Франком; в западноевропейской – М. Бубером, Э. Фроммом и др.

Дискурс любви в культуре и философии постмодерна охватывают работы Ж. Бодрийара, П.-Ф. Гваттари, Ж. Делеза, Ж.-Ф. Лиотара, М. Сарупа, П. Слотердайка, М. Фуко и др.

Кроме того, в последние десятилетия феномен любви анализировался в ряде диссертационных исследований следующих направлений: этико-философские аспекты эроса в духовной культуре (А. Г. Абрамова, 1998); как смысложизненная ценность (М. В. Базарова, 2008); как стремление к социальному благу посредством социальной ответственности (А. В. Белов, 2011); с точки зрения аффективного морального зла – ревности (С. В. Журавлева, 2009); как объект мистико-трансцендентного исследования (О. А. Канышева, 1994); как лингвокультурный эмоциональный концепт (Л. Э. Кузнецова, 2005); в русской языковой картине мира (Е. В. Лобкова, 2005); как исторический пример благотворения и милосердия (И. В. Антонович, 2003; Б. Т. Покотилова, 1998); как культурно-историческая форма экзистенциального переживания (А. В. Севастеенко, 2002); как социокультурная универсалия (Е. Н. Шапинская, 1997).

Проблемы констант широко исследованы в научной литературе: естественнонаучные – И. А. Акчуриным, И. Н. Барыгиным, В. В. Васильковой, В. С. Степиным, И. П. Яковлевым и др.; различные стороны констант культуры – А. А. Давыдовым, В. А. Луковым, С. В. Лурье, Н. А. Ляурья, В. С. Степиным и др. и Г.-Г. Гадамером, Г. Зиммелем, Г. Лейбницем. Феномен констант культуры как вечных образов изучал Б. Н. Гайдин в диссертационном исследовании (2009).

Сравнительный анализ констант с концептом и универсалиями культуры провели П. С. Гуревич, Е. С. Кубрякова, Д. С. Лихачев, В. А. Маслова, Л. А. Микешина, О. К. Румянцев, Ю. С. Степанов, П. А. Сорокин и др.

Ответственность как методологическое основание человеческого бытия и как социальный регулятор раскрыта в сочинениях Аристотеля, Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Конфуция, К. Маркса, Э. Фромма, Ф. Энгельса и др.; социальный аспект ответственности – Аристотелем, М. Вебером, В. В. Знаковым, Э. Гидденсом, Э. Дюркгеймом, Х. Йонасом, А. Маслоу, Ж. П. Сартром, Л. Фейербахом и др.; правовой аспект – Аристотелем, П. А. Гольбахом, А. Ш. Арутюняном, Б. Л. Назаровым, И. Е. Туркиной и др.; этический аспект – Б. Т. Лихачевым, Н. А. Минкиной, С. И. Соболевским, Э. Фроммом; психологический – Н. А. Бердяевым, Г. Блумером, В. В. Знаковым, В. Франклом и др.

В социальной жизни любовь находит свое выражение в конкретных действиях. Определенный круг источников посвящен практическому проявлению любви в виде благотворительности и меценатства в России конца XIX – начала XX вв. Культурологический аспект благотворительности и меценатства рассматривается в отечественной историко-культурной мысли О. П. Алексеевой, Р. Г. Апресяном, З. В. Бражниковым, П. В. Власовым, М. Л. Гавлиным, Ф. А. Дорофеевым, О. П. Зубец, Ю. М. Лотманом, Т. В. Миташкиной, А. Е. Соболевской, Г. Н. Ульяновой, М. В. Фирсовым; в западноевропейской – П. Чичовачки и др. Проблемы благотворительности региона (Мордовии) рассмотрены И. Д. Ворониным, Ю. Л. Цинговатовым и др.

Таким образом, на достигнутом уровне разработанности проблемы стало возможным осуществить анализ полифункционального феномена любви от классики до постмодерна и репрезентировать ее в качестве социокультурной константы. Исследования проблемы под таким углом зрения ранее не проводилось.

В основу **научной гипотезы диссертации** положено предположение, что любовь как сложное социокультурное явление в общественном и индивидуальном сознании обретает значение константы культуры только в сопряжении с конкретными принципами: ответственностью, уважением, верностью, милосердием, состраданием, заботой, долгом, патриотизмом и т. д., базовым среди которых является ответственность. Посредством проявления *ответственной любви* личность реализует свои социально значимые действия и поступки, в том числе благотворительность, способствует духовной самоорганизации общества, разрешению многих социальных и культурных кризисных проблем, развитию общества в целом.

Объект исследования – любовь как феномен культуры.

Предмет исследования – любовь как социокультурная константа бытия человека.

Цель исследования – комплексный теоретико-методологический анализ полисмыслового феномена любви в качестве социокультурной константы бытия человека, как фактора общественной самоорганизации и социальной устойчивости.

Для достижения поставленной цели в работе формулируются и решаются следующие задачи:

– исследовать содержание социокультурных констант;

– раскрыть полисмысловую сущность любви в ценностной системе культуры;

– обосновать понятие «ответственная любовь» как социокультурное состояние;

– раскрыть феномен благотворительности как проявление любви.

Теоретико-методологическая основа работы. Диссертационное исследование, проводившееся на стыке таких наук, как философия, культурология, этика, психология, история предполагало комплексный характер методологии, позволившей всесторонне и целостно раскрыть сущность любви как социокультурной константы.

В основу работы положены следующие *подходы*: конкретно-исторический, системный, функциональный, культурологический, антропологический и синергетический. Также в работе применяется личностно-деятельностный подход, на основе которого выявляется соотношение различных антропологических и социокультурных констант человеческого и социального бытия: долга, свободы, духовности, любви.

Обозначенные подходы конкретизируются в философско-культурологических *принципах*, ключевыми среди которых являются принципы историзма, конкретности, целостности, развития, гуманизма, объективности, самоорганизации.

Сложность и многогранность предмета исследования предопределили использование следующих *методов*:

– сравнительно-исторического, с помощью которого выявлено общее и особенное в историко-культурном понимании любви, достигается познание различных исторических ступеней развития одного и того же явления ответственности, анализируется социокультурная взаимосвязь любви как константы с принципом ответственности;

– интегративного, позволившего синтезировать достижения в различных областях научного знания для решения задач, поставленных в настоящем исследовании;

– аксиологического, обосновывающего место констант культуры в системе социокультурных ценностей;

– логической реконструкции, который позволил представить любовь не только как психоэмоциональное чувство, но и как социокультурную константу, базирующуюся на принципе ответственности. В частности, на основе реконструкционного метода выделены основные этапы формирования социокультурной ответственности в России конца XIX – начала XX веков на примере благотворения и меценатства конкретных исторических лиц, также раскрыта духовно-патриотическая обусловленность этого принципа.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. Дополнена иерархия социокультурных констант посредством введения понятия любви в ее структуру. В этой иерархии любовь представлена не только аксиологической, но и праксиологической составляющей духовности человека.

2. Комплексно проанализированы основные методологические и теоретические подходы к полисмысловому феномену любви и определена ее

роль в ценностной системе культуры.

3. Выявлены сущность, содержание, структура и смысл феномена социальной ответственности как субстанциональной основы (фактора) формирования в общественном сознании идеала любви и ее константного проявления.

4. Доказано, что благотворительность и меценатство как социокультурные процессы России конца XIX – начала XX веков выступают проявлением ответственной любви и выражением патриотической гражданской любви к отечеству.

Положения, выносимые на защиту:

1. Современная иерархия констант представлена естественными и социокультурными науками. Первые имеют количественное выражение в рамках природы, а вторые – качественное выражение действий человека по отношению к другому, обществу и миру. Константы культуры выступают стандартами-эталоном, регулирующими экзистенциальную устойчивость общества независимо от динамики социальной жизни. Они остаются актуальными культурными ориентирами, которые в исторически преходящих культурных контекстах сохраняют свой изначальный смысл и при этом легко адаптируются к содержаниями, актуальными для конкретной исторической ситуации. Репрезентация любви как одной из социокультурных констант бытия человека обусловлена тем, что в ней сливаются две ипостаси – духовная и витальная. Сведение ее лишь к физиологическим потребностям человека неминуемо ведет к кризису общественной морали и культуры в целом.

2. Ретроспектива конкретных «образов» любви, сформированных в зависимости от исторической ситуации и соответствующих потребностей, с одной стороны, подчеркивает полисмысловую сущность любви, с другой – свидетельствует о том, что в ценностной системе каждого культурно-исторического контекста она сохраняет свой постоянный смысл: любовь как единый универсальный космический принцип бытия мира (античность); смиренная любовь, свободная от плотских страстей, в центре которой только бог (средневековье); романтически-возвышенная, но при этом жизненно обусловленная любовь (Возрождение); телесная любовь, фривольный эротизм, «игра в любовь» (Новое время).

Современная постмодернистская культура, основываясь на принципе деконструкции, перестала видеть в любви стандарты культуры и нормы морали, в связи с чем меняются акценты в принципах и смыслах любви. Сегодня для того, чтобы стать «нивелиром» пограничного состояния между созидательной и разрушительной силами развития общества, любовь должна основываться на принципе ответственности.

3. В настоящее время выделяют две концепции ответственности: классическую и неклассическую. Согласно классической концепции субъект действия несет ответственность за последствия своих действий. Как носитель ответственности он самостоятелен и сам определяет свои действия и их следствие. Классической концепции соответствует понятие свободы субъекта.

Неклассическая концепция ответственности принадлежит

постсовременной культуре и состоит в том, что субъект является представителем мира, группы и так далее, наполненных взаимосвязями, случайностями, неопределенностями. Эта концепция предполагает, что достаточно трудно выделить ответственность каждого человека, поэтому в поисках эффективного действия принципа ответственности рождается «круговая порука».

Объединяющим свойством обеих концепций является свойство личности отвечать, готовность (установка) к ответу и экзистенциальная потребность человека в самореализации и самопознании, когда его становление осуществляется в рамках готовности измениться, принять ответственность за другого человека, культуру, общество, цивилизацию, будущее. Таким образом, ответственность является, прежде всего, культурным и социальным отношением, необходимым для прогресса общества и культуры. Это обуславливает связь ответственности и любви. Базовыми условиями формирования любви, на наш взгляд, являются ответственность личности и нравственно-ответственное сознание. Принцип социальной ответственности обеспечивает солидарность, взаимопомощь, сопричастность, сострадание другому. Через такую заботу человек обретает самого себя, смысл своего бытия в жизни.

Ответственная любовь формирует границу между дозволенным и недозволенным, свободой и ответственностью, добром и злом. Отклонение в противоположную сторону и безответственное отношение к объекту любви превращает последний в средство физического потребления, а процесс любви в волюнтаризм. В таком контексте ответственность, выступая субстанциальной основой любви, самоорганизует личность и общество.

4. Духовное содержание благотворительности и меценатства как проявлений ответственной любви в России конца XIX – начала XX вв. заключается в том, что субъект, проявляя заботу о другом человеке в процессе благотворительной деятельности, выполняет свой долг перед обществом, государством, нравственно совершенствуется. Здесь любовь выступает не как эмоциональный порыв, а как моральный закон солидарности, взаимопомощи, сопричастности, сострадания.

Теоретическая и практическая значимость работы. Результаты проведенного исследования, раскрывая особенности развития феномена любви как социокультурной константы, расширяют возможности современной теории культуры и задают новые направления в исследовании данного феномена. Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы могут быть использованы при разработке общих и специальных курсов по культурологии, философии, этике, психологии.

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы изложены в трех главах коллективных монографий (общий объем 2,3 п.л.); в 18 статьях, девять из которых опубликованы в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов ВАК: «Гуманитарные науки и образование: научно-методический журнал» (Саранск, 2011, 2012, 2013), «Теория и практика общественного развития: научный журнал» (Краснодар,

2011, 2013), «Сибирский педагогический журнал» (Новосибирск, 2012), «В мире научных открытий: научно-методический журнал» (Красноярск, 2013). Результаты исследования обсуждались на международных (Баку, 2010; Саранск 2009-2012); всероссийской (Саранск, 2010); межвузовской (Иваново-Шуя, 2011) научно-практических конференциях.

Результаты исследования вошли в проект в рамках реализации федеральной целевой программы Министерства образования и науки РФ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы «Методология развития социокультурных констант образовательного пространства инновационного вуза в структуре устойчиво развивающегося общества» (Соглашение № 14.В37.21.0989 от 07 сентября 2012 г.).

Структура работы. Поставленные цель и задачи определили структуру диссертации. Она содержит 166 страниц и состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка, включающего 234 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень научной разработанности, формулируются гипотеза, цель и задачи работы, объект, предмет и методологическая основа диссертации, представляются научная новизна и положения, выносимые на защиту, раскрывается теоретическая и практическая значимость диссертации.

Первая глава «Феномен любви в социокультурных традициях» состоит из двух параграфов.

В первом - «Любовь как экзистенциальная константа бытия личности» автор отмечает, что в начале XXI в. господство ценностей культуры постмодерна с присущим ей преобладанием эклектичности и поливариантности морально-нравственных систем привело к тому, что многие ученые осознали необходимость переосмысления роли социокультурных констант в общественном развитии. Особое место среди таких констант автор исследования отводит понятию любви.

Диссертант анализирует процесс становления понятия «константа» и приходит к выводу, что философское исследование констант начинается в рамках естественных наук. Каждая наука (физика, математика, физиология, и др.) выделяет свои константы, распространяя их на весь космический порядок. Например, в физике идея гармонии Пифагора; известное число π (3,14...), получаемое в результате деления длины окружности на радиус; «золотое сечение» Леонардо да Винчи и т. д.

В гуманитарной сфере проблема констант впервые стала разрабатываться Г. В. Лейбницем (врожденные принципы). Одним из первых к культуре термин «константа» применил французский ученый Э. А. Жильсон. Исследуя западноевропейскую средневековую философию, он дал оценку схоластической философии Ф. Аквинского как «вечной». В работе

«Лингвистика и философия. Эссе о философских константах языка» он определил основные константы средневековой культуры, а также сделал попытку применить их к анализу современной культуры.

Автор, обращаясь к представителю «философии жизни» Г. Зиммелю, определяет принципы разграничения естественных и социокультурных констант. Первые имеют количественное выражение в рамках природы, а социокультурные – качественное выражение в изменчивых действиях человека и выступают в моментах генезиса и функционирования культуры.

Диссертант, анализируя труды Ф. Гваттари, Ж. Делёза, Е. С. Кубряковой, Ю. С. Степанова, проводит границу между константой и концептом, а также дифференцирует понятия «константы культуры» и «универсалии культуры». *Константы культуры*, по мнению автора – это постоянные стандарты-эталоны культуры, возникающие в жизни и в культурном пространстве конкретного носителя культуры, формирующие ее общие законы, применимые к широкому спектру конкретных исторических ситуаций, обеспечивающие в целом экзистенциальную устойчивость культурной системы независимо от динамики социальной жизни. В данном определении соискатель опирается на работы С. В. Лурье, Д. С. Лихачева, В. А. Масловой, О. К. Румянцева, Ю. С. Степанова и др.

Концепт – это переменный набор представлений, идей, смыслов, формирующий содержание константы. По мнению автора, *универсалии культуры* – общечеловеческие репрезентации культурного опыта и деятельности в материальной и духовной сферах, символически отраженные в базовых конструкциях и направленные на воспроизводство общества.

Социальные константы, будучи основополагающими элементами культуры, опираются на вековые традиции, наиболее обобщенные элементы культуры – универсалии, которые встречаются практически во всех культурах и способствуют удовлетворению основных физиологических, психологических и социальных потребностей человека², выполняя при этом стабилизирующую функцию социальной жизни. В контексте сказанного автором выделяются следующие константы культуры: вера, доверие, забота, любовь, радение и др.

По мнению диссертанта, универсалии отличны от констант тем, что первые образуют *надиндивидуальный* уровень культуры, вторые проявляют себя через *индивидуальные* чувства и интимные переживания человека. Они не осознаются человеком, а выступают на интуитивном уровне.

К константам культуры, от концептуализации которых в реальной жизни могут зависеть выживание и устойчивость целых цивилизаций, автор относит любовь. Искажение ее смысла в сознании людей и сведение лишь к физиологическим потребностям способны привести к кризису общественной морали и культуры в целом.

В последние десятилетия в рамках постмодернистской культуры происходит переосмысление любви как одной из фундаментальных

² Гуревич П. С. Универсалии культуры // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М.: Республика, 2001. – С. 588–589.

культурфилософских категорий. Трудность исследования любви как социокультурной константы состоит в том, что невозможно выявить эталон, конкретный образ, а значит, постоянство контента любви. В любви как постоянной человеческого бытия и социокультурной ценности сливаются две ипостаси – духовность и витальная потребность. Она находит отражение в сфере социальной и культурной практики и в каждой конкретной ситуации может проявиться как любовь-долг, любовь-забота, любовь-страсть и т. д. Однако человечество на интуитивном уровне воспринимает это чувство именно постоянным.

В любви как социокультурной константе воплощается все ее многообразие: индивидуальное переживание, чувство преданности людям, идеям, предметам, явлениям окружающего мира. От понимания идеала любви как культурной константы во многом зависят основные сферы жизнедеятельности человека и общества (демография, политика, духовная жизнь и т. д.).

Во втором параграфе «Полисемное понимание любви в ценностной системе культуры» автор раскрывает феномен любви в различных культурно-исторических традициях.

Культура Древнего мира (Древняя Индия, Древняя Греция) сакрализует любовь как единый универсальный космический принцип бытия мира (Эмпедокл и др.). Во времена классического полиса в системе ценностей человека стала превалировать культура гражданской любви. (Сократ, Платон и др.). Сократ в «заботе о себе» отделяет «божественное» (космическое) от «человеческого». Платон создает образ «чистой» любви, отличной от физиологических инстинктов («Пир»). Высшее таинство любви, по Платону, проявляется в силе творческой мысли, способности человеческого разума к интеллектуальному рождению.

Результатом кризиса античного миропорядка Греции и Рима становится смена понимания любви, уход в мир «физических» страстей, «телесного» (эпикурейцы, киренаики) или аскетический уклад жизни, близкий к христианскому (стоики, скептики, неоплатоники).

Средневековая религиозная культура выводит человека на новый уровень саморефлексии, где бог становится единственным предметом любви. Формируется новая философия любви – агапическая, свободная от плотских страстей, – любовь к ближнему. Автор обращается к трудам Аврелия Августина, который выделил три формы любви, отличающиеся по источнику: любовь, исходящая от человека к Богу, любовь, исходящая от человека к ближнему, и любовь, исходящая от Бога к человеку.

В византийской элитарной куртуазной культуре, романах XII в. земная любовь обретает возвышенную, неземную форму, основной характеристикой которой становится смиренность. Для низов феодального общества вместо церковной аскезы предлагалась карнавальная культура, которая продолжала древние языческие традиции, допускала фривольности, скабрёзности, открытый эротизм, маскарады, вела к физиологическому раскрепощению человека.

В рамках культуры Возрождения понятие «любовь» возвратило себе статус жизненно важной категории, но при этом религиозный ее оттенок не исчез совсем. Человек провозглашается идеалом. Он сам хозяин своим чувствам, стремлениям и убеждениям³. Данте практически молится Беатриче как божеству и одновременно как желанной женщине (Х. Л. Борхес), Ф. Петрарка воспевает свою прекрасную Лауру, не оставляя «для себя почти никакой интимной жизни вне служения донне...» (В. В. Библихин).

Новое время отходит от идеала христианской агапической любви, рационализирует это чувство (Ф. Бэкон, И. В. Гёте, И. Кант, Г. Гегель, Л. Фейербах и др.). В широких кругах элиты возвышается телесная любовь, фривольный эротизм. Распространение получает «игра в любовь» (интимная любовная переписка, тайный язык движений веера, интриги и т. д.).

Последствия научно-технической революции конца XIX – начала XX вв. приводят к трансформации содержания понятия любви. Любовь как нечто романтическое и идеальное, священное и интимное кажется устаревшей. З. Фрейд предлагает новую натуралистскую теорию любви. Известный социолог П. А. Сорокин на историческое место «*homo sapiens*» выдвигает «*homo sexual*». Идеи Ж.-П. Сартра, Э. Фромма направлены против натурализации любви.

Любовь в русской культуре не просто чувство, а онтологическое явление, где она воспринимается через призму ответственности в духовной жизни, искупления грехов человечества, богообретения, самопожертвования. По сути, русский человек в любви сам себя истязает, понимает ее как испытание души соблазном (Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, В. С. Соловьев). Любовь – это диалог, стремление услышать и познать Другого. В философии Н. А. Бердяева выделены: эрос, или любовь восходящая, а также агапэ, или любовь нисходящая. Эрос как тип любви несет для человека идею совершенства, красоты, духовного обогащения, устремленности к Богу. Агапэ не обращается к возвышенному, наоборот, видит в мире богооставленность, страдания и уродство.

Автор полагает, что современная постмодернистская культура перестала видеть в любви стандарты и нормы морали, культуры. Новая культура становится культурой плюрализма, который, опираясь на принцип деконструкции, подвергает скепсису любой моральный закон, культурные табу. Постмодернистская культура превратила жизнь в некий нарратив (М. Саруп), который не видит в любви запретов, меняет акценты в ее принципах, подменяет ее смыслы. В результате утрачивается смысл любви – желание и умение заботиться о другом (Р. Барт, Ж. Бодрийар, Ф. Гваттари, Ж. Делёз, П. Слотердайк, М. Фуко, У. Эко и др.). Подобные преломления любви в общественном сознании превращают ее скорее в разрушительную силу, нежели созидательную.

В выводах в конце главы формулируется авторское определение любви

³ Фичино М. Комментарий на «Пир» Платона [Электронный ресурс]. – URL: <http://renaissance.rchgi.spb.ru/Ficino/opus1.htm>

как социокультурной константы, которую диссертант определяет как духовное состояние социокультурной самоорганизации общества, обеспечивающее гармонию межличностного (или группового) взаимодействия элементов социальной системы (между родителями и детьми, мужчиной и женщиной, гражданином и его отечеством и т.д.) и строящееся на принципах совершенствования самого себя и окружающего мира.

Во второй главе «**Ответственность – субстанциальная основа любви**», состоящей из двух параграфов, исследуется понятие «ответственность». Автор выявляет социокультурные функции ответственности, ее взаимосвязь с любовью, раскрывает практическую реализацию ответственности на примерах актов благотворительности в России.

В первом параграфе «**Ответственность и любовь: социокультурный контекст взаимосвязей и отношений**» диссертант сопоставляет трактовки феномена «ответственности» в частных науках (право, социология, психология) и ее понятийное оформление в различных культурах.

В рамках юридических наук в феномене ответственности выделяются два направления: перспективное – за исполнение обязанностей, и ретроспективное – за их нарушение. Традиционно ответственность с точки зрения правовых наук разрабатывалась как ответственность за противоправное поведение. В психологии ответственность – один из самых сложных феноменов в теории волевых качеств. Ее называют «качеством высшего порядка» из-за тесной взаимосвязи с эмоциональной, нравственной и мировоззренческой сторонами личности. В социологии ответственность – одна из нормативных регуляций, особый механизм регуляции поведения людей в ситуации свободного выбора (Э. Дюркгейм).

Исследования философской сущности ответственности были начаты еще во времена античности, когда само понятие определялось как долг, обязанность и свобода (Платон, Аристотель и др.). Платоном впервые был сформулирован вопрос о том, в какой степени человек сознательно является творцом своих поступков и, следовательно, в какой мере он за них ответственен. Он увидел корни ответственности во взаимосвязи между социальной ответственностью и свободой воли, возлагающей на отдельного человека определенные обязанности при конкретных социальных условиях, выполнение которых характеризует его поступки как ответственные.

Выделяют две концепции ответственности: классическую и неклассическую. Классическая модель ответственности в философии формируется в конце XIX – середине XX вв. Согласно этой концепции субъект действия несет ответственность за его последствия. Как носитель ответственности он должен быть самостоятельным и свободным, т. е. субъект конструирует свои действия, когда характер действий изначально не задан. Классической концепции соответствует рациональное понятие свободы субъекта.

В последней четверти XX в. в рамках культуры постмодерна формируется неклассическая модель ответственности, смысл которой состоит в том, что субъект выступает участником группы, где из-за разделения

функций, с которыми приходится считаться каждому, в принципе невозможно предусмотреть результатов своих действий. При таких обстоятельствах человек должен научиться предугадывать и учитывать возможности сочетания общественного и личного, обладать способностью самостоятельно предупреждать и предусмотреть все последствия своих действий, учитывая интересы большинства, начиная со своего ближайшего окружения и заканчивая миром.

В плане терминологического оформления феномена ответственности как социокультурного явления диссертант придерживается интерпретаций, данных Э. Фроммом и В. Франклом. Они полагают, что ответственность прежде всего, как атрибут зрелого поступка означает готовность (установку) личности к ответу (Э. Фромм) и экзистенциальную потребность человека в самореализации и самопознании, когда его становление осуществляется в рамках готовности измениться, принять ответственность за другого человека, культуру, общество, цивилизацию, будущее (В. Франкл). Таким образом, ответственность является, прежде всего, культурным и социальным отношением, необходимым для прогресса общества и культуры.

При рассмотрении феномена ответственности диссертант приходит к выводу, что в научной литературе недостаточно анализировалась взаимосвязь ответственности и любви. Бесспорным является то, что любовь и ответственность органически включены в совокупность многообразных отношений личности и общества, во все сферы жизнедеятельности людей. По нашему мнению, исходной основой как ответственности, так и любви является умение сопереживать.

Диссертант вводит новое понятие *ответственной любви*, которую определяет как социокультурный принцип, заключающий в себе экзистенциальную потребность субъекта в самореализации через принятие на себя ответственности за последствия не только своих поступков, но и за последствия действий другого человека и общества в целом. Ответственная любовь, с точки зрения философии, есть нечто большее, чем эмпирическое или рациональное явление, она есть факт морального разума.

Во втором параграфе «Благотворительность как проявление ответственной любви» автор акцентирует внимание на практическом аспекте реализации любви через благотворительность. Для ряда ученых благотворительность – акт проявления социальной ответственности. (О. П. Алексеева, Р. Г. Апресян, М. Л. Гавлин, М. В. Фирсов). Некоторые ученые (В. А. Кольцова, В. А. Соснин) рассматривают благотворительность во взаимосвязи с патриотизмом, который, по их мнению, включает в себя:

- уважение истории и культурных особенностей своей Родины;
- идентификацию своих интересов с интересами отечества;
- наличие активной гражданской позиции, готовность отстаивать интересы своей Родины, действовать во имя сохранения и развития ее благополучия;
- духовное развитие личности, предполагающее реализацию личностных духовных ориентиров во внешнем мире;

– признание любви к Родине в качестве высшей, главной ценности в иерархии системы ценностей личности.

Диссертант разделяет позиции обеих групп авторов и считает, что благотворение реализуется через ответственные поступки в интересах Родины и соотечественников, т.е. через патриотизм (филопатрия).

В работе проводится исторический срез, свидетельствующий о присутствии феномена благотворения в различных цивилизациях (Египет, Китай, Греция). Дается религиозное обоснование общественной благотворительности, присутствующей в авраамических религиях (ислам, христианство и др.).

В отечественной научной литературе О. П. Алексеевой, Р. Г. Апресяном, М. В. Фирсовым выделяются различные формы благотворительности:

1. Общественное призрение. Призреть – т. е. обратить взор с вниманием, участием, сочувствием, милосердием; дать кому-либо приют и пропитание. Цель призрения – разумное и организованное обеспечение нуждающихся необходимым и предупреждение нищеты.

2. Благотворительность – оказание частными лицами материальной помощи бедным из милости.

3. Спонсорство (от лат. *spondeo* – ручаюсь, гарантирую) – действие физического или юридического лица, которое финансирует какое-либо мероприятие и рекламирует при его проведении свою продукцию.

4. Меценатство (по имени римского государственного деятеля Мецената – *Maecenas*, *Maecenatis*) – покровительство наук и искусств, осуществленное зажиточным лицом.

В научной мысли сформировались различные подходы к благотворительности: *философский*, имеющий в своем контексте религиозный, социально-этический, морально-нравственный аспекты (Н. А. Бердяев, Ф. М. Достоевский, Ф. Ницше, В. С. Соловьев); *социологический*, исследующий благотворительность в качестве позитивного или негативного влияния на общество (Е. Т. Гайдар, П. Лафарг и др.).

В России трактовка благотворительности исторически менялась. До XX в. она означала «...проявление сострадания к ближнему, негосударственную форму помощи нуждающимся; с начала XX в. до 90-х гг. данное понятие интерпретируется как форма классового манипулирования общественным сознанием в капиталистическом обществе; сегодня под благотворительностью понимается некоммерческая деятельность, направленная на оказание помощи нуждающимся»⁴. На данный момент она трактуется как «добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки»⁵.

В благотворительности допустимы любые мотивы (нравственные,

⁴ Фирсов М. В. История социальной работы в России. – М.: ВЛАДОС, 1999. – С. 221.

⁵ Федеральный закон о благотворительной деятельности и благотворительных организациях [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=108360>

религиозные, прагматичные), различные ее оценки (негативные, нейтральные или положительные), так как важен лишь социально значимый результат благотворения (Р. Г. Апресян).

В работе автором анализируется деятельность российских благотворителей (С. Т. Морозов, С. И. Мамонтов, П. М. Третьяков; российские меценаты-мусульмане – Ага Шамси Асадуллаев, Гаджи Зейналабдин Тагиев, Муртаза Мухтаров, Муса Нагиев; саранские предприниматели – Коровины, Майоровы, Сыромятниковы, Токаревы, Цинговатовы), способствующих взлету российской благотворительности на рубеже XIX–XX вв. («золотой век благотворения»). Автор выявляет объективные (социально-экономические, социально-культурные, социально-религиозные, социально-политические) и субъективные (личностные характеристики российских предпринимателей, их взгляды, полученное семейное воспитание, корыстные мотивы, российский менталитет) предпосылки их деятельности.

Диссертант приходит к выводу, что благотворительность – социальное явление, включающее в себя специфические нормы, нравственные предписания, формально-правовую основу, направленное на интегрирование всех слоев общества в единую социально-политическую, ценностную, идеологическую систему. Данная деятельность не несет в себе финансовой выгоды, не дает возможности финансового обогащения. Благотворительность доступна широким слоям населения, но чаще ею занимаются люди с материальным достатком, что позволяет им успешно выполнять нормативные предписания (общества, религии) и личный гражданский долг. Таким образом, цивилизация совершенствуется не только благодаря техническим, научным прорывам, но и обязательному присутствию благотворительности и милосердия, заботы и социокультурной ответственности, то есть любви в ее специфических проявлениях.

В заключении диссертации автором подводятся итоги исследования и отмечается, что приоритетом духовной жизни нашего времени становится поиск культурных констант, обеспечивающих устойчивость социальной и культурной жизни общества. В любой системе должны быть константные образования, не только сохраняющие и стабилизирующие ее, но и стимулирующие к созидательному процессу. В качестве такой константы эпохи постмодерна автором определяется любовь.

В восприятии любви неизменно одно: любовь как наивысший смысл человеческого бытия. Любовь ведет к духовному совершенству и расширяет через принцип ответственности свои индивидуальные рамки до общественного совершенства.

На наш взгляд, высшим и наиболее мощным выражением любви является благотворительность, подразумевающая ответственность за историю и будущее своей страны и каждого человека в отдельности. Акт благотворения – явление не только правового характера, но и нравственного свободного выбора. Нравственная сущность благотворительности – проявление одной из важнейших культурно-нравственных норм человеческой жизни.

**Основные положения и выводы диссертации
получили отражение в следующих публикациях автора:**

I. Публикации в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов ВАК:

1. Костина Р. Г. Любовь как константа социальной ответственности личности // Гуманитарные науки и образование: науч.-метод. журн. – Саранск, 2011. – № 3 (7). – С. 129–131.

2. Костина Р. Г. Проблема любви в фокусе восточной и западной философий // Гуманитарные науки и образование: науч.-метод. журн. – Саранск, 2011. – № 1 (5). – С. 106–109.

3. Костина Р. Г. Современное образование и инновационное развитие России / Г. Г. Зейналов, Р. Г. Костина // Теория и практика общественного развития: науч. журн. – Краснодар, 2011. – № 1. – С. 46–49.

4. Костина Р. Г. Благотворительность как проявление социальной ответственности / Е. А. Мартынова, Р. Г. Костина // Гуманитарные науки и образование: науч.-метод. журн. – Саранск, 2012. – № 1 (9). – С. 44–46.

5. Костина Р. Г. Духовно-нравственное воспитание личности как ценностная константа современного образования / Г. Г. Зейналов, Е. В. Рябова, Р. Г. Костина // Сибирский педагогический журнал. – Новосибирск, 2012. – № 9. – С. 159–162.

6. Костина Р. Г. Социокультурные константы: любовь, ответственность, благотворительность как факторы социально-устойчивого развития // В мире научных открытий: науч.-метод. журн. – Красноярск, 2013. – № 1.1 (37). – С. 146–156.

7. Костина Р. Г. Ответственность как проявление любви // Гуманитарные науки и образование: науч.-метод. журн. – Саранск, 2013. – № 1. – С. 139–142.

8. Костина Р. Г. Социокультурные константы: мораль, любовь, образование // Теория и практика общественного развития: науч. журн. – Краснодар, 2013. – № 3. – С. 25–28.

9. Костина Р. Г. Учитель и его константное значение в современном образовании / Г. Г. Зейналов, Е. Н. Чекушкина, Р. Г. Костина // Философия образования: науч.-метод. журн. – Новосибирск, 2013. – № 3. – С. 198–203.

II. Главы в коллективных монографиях

10. Костина Р. Г. Любовь как константа социальной экзистенции личности // Социально-гуманитарное образование как методологическое основание устойчиво развивающегося социума (в контексте синергийно-антропологической парадигмы) : монография / под ред. Г. Г. Зейналова; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2011. – Гл. VI. – С. 63–72.

11. Костина Р. Г. Ответственность: философско-научный дискурс // Гуманитарные парадигмы инновационного сознания современного общества: монография: в 2 ч. / под ред. Е. Н. Родиной, Е. Н. Чекушкиной; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2012. – Ч. I. Гл. IX. – С. 140–146.

12. Костина Р. Г. Социокультурные константы: любовь, ответственность, благотворительность // Культурфилософские смыслы и основа жизнедеятельности человека в современном мире : монография / под ред.

В. П. Океанского; Шуйск. гос. пед. ун-т. – Шуя, 2012. – С. 150–169.

III. Публикации в других изданиях

13. Костина Р. Г. Проблема свободы и несвободы человеческой любви в философии экзистенциализма // Гуманитарные исследования: традиции и инновации : межвуз. сб. науч. тр. / редкол.: Н. Л. Новикова (отв. ред.) [и др.]. – Вып. 3. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2009. – С. 30–35.

14. Костина Р. Г. Экзистенциальный смысл любви // Социально-гуманитарное знание и общественное развитие : Мат. Всерос. науч.-практ. конф. «Социально-гуманитарное знание и общественное развитие», 12 нояб. 2009 г. / отв. ред. Е. А. Мартынова; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2009. – С. 13–15.

15. Костина Р. Г. Социум и личность в контенте любовной проблемы в рамках европейской философии // Культурный диалог в полиэтническом пространстве : Мат. Всерос. науч.-практ. конф. – 46-е Евсевьевские чтения, 19–20 мая 2010 г. / под ред. Н. Ф. Беляевой; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2010. – С. 48–51.

16. Костина Р. Г. Роль меценатства в сохранении культурного наследия // Музеи и культурное наследие : Мат. междунар. конф., посвящ. 90-летию Национального музея истории Азербайджана, 31 октября – 3 ноября 2010 г. – Баку, 2010. – С. 253–256.

17. Костина Р. Г. Социум и личность в рамках любовной парадигмы европейской культуры // Педагогическое образование: новое время – новые решения: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием – Осовские педагогические чтения, 24–25 нояб. 2010 г.: в 4 ч. Ч. I / редкол.: Т. И. Шукшина (отв. ред.) [и др.]; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2011. – С. 90–92.

18. Костина Р. Г. Смена тенденций понимания любви в период кризиса древнегреческой цивилизации // Сохранение и развитие культурного и образовательного потенциала Ивановской области : Мат. Межвуз. науч. конф. (VII областной фестиваль «Молодая наука – развитию Ивановской области»), 27 апр. 2011 г.: в 3 ч. Ч. 3. – Иваново-Шуя: Изд-во ГОУ ВПО «ШГПУ», 2011. – С. 34–35.

19. Костина Р. Г. Этический смысл веры как любви к универсуму // Роль интеллигенции в социуме: традиции и современность : Мат. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 27 апр. 2010 г. / под ред. Н. Ф. Беляевой; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2011. – С. 99–101.

20. Костина Р. Г. Любовь и массовая культура (анализ монографии Л. Секомб «Философия и любовь: от Платона до массовой культуры») // Интерпретация массовой музыкальной культуры Мордовии : Мат. Всерос. науч. конф., 25–26 окт. 2012 г. / Рос. гуманитар. фонд, Саранский филиал СГА. – Саранск, 2012. – С. 36–38.

21. Костина Р. Г. Ответственность как субстанциальная основа бытия // Человек – Общество – Культура – Культура : Мат. Всерос. науч. конф. с элементами науч. школы для молодых ученых, посвящ. 50-летию института – 48-е Евсевьевские чтения, 23–25 мая 2012 г. / редкол.: Г. Г. Зейналов (отв. ред.) [и др.]; Мордов. гос. пед. ин-т. – Вып. 4. – Саранск, 2012. – С. 31–35.

Подписано в печать 19.09.2013 г.
Формат 60x80 1/16. Печать ризография.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 1,22.
Тираж 100 экз. Заказ № 111.

ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт
имени М.Е. Евсевьева»
Редакционно-издательский центр
430007, г. Саранск, ул. Студенческая, д. 11 а